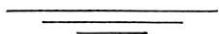

tions found in 1972 are of considerable size and bear parts of votive formulas which occur also on pots and other objects from Northern India, Afghanistan and Central Asia. This has made it possible to draw some conclusions about the *Kharoshthī* alphabet and the North-West Prakrit, both of which are represented in the inscriptions from Termez. The inscriptions show that Old Termez, in right-bank Bactria, lay in the zone influenced by the single school of scribes forming the Indian scribal tradition. The North-West Prakrit was used as the administrative language in the territory held by the Great Kushans. The limits hitherto assigned to the spread of *Kharoshthī* and the North-West Prakrit have now been pushed far to the west.

The author publishes four inscriptions in the *Kharoshthī* alphabet which were recently found in the Termez region. All four are dated by palaeographic criteria in the second half of the II or first half of the III century A. D.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ГЕРОДОТ ГАЛИКАРНАСЕЦ ИЛИ ГЕРОДОТ ФУРИЕЦ?

(К вопросу об авторской редакции введения
в «Историю» Геродота)

Практически для нас Геродот — первый историк Европы, хотя историческая наука зародилась и проделала уже известный путь развития до того, как он начал писать свой труд. О предшественниках «отца истории» мы можем судить только по отдельным дошедшим до нас цитатам, собранным в известных изданиях Мюллера и Якоби, да еще по тем впечатлениям, которые выносили из чтения их произведений античные ученые (как, например, Дионисий Галикарнасский). Мы не можем представить себе с достаточной ясностью композиционные особенности их произведений, методы работы с источниками, принципы, лежащие в основе формулировки темы. Поэтому творение Геродота приобретает для нас особую ценность: изучая его, мы следим за первыми шагами исторической науки. К числу проблем, привлекавших внимание ученых, относится и проблема подлинности сохранившегося введения в его «Историю»¹. Редакция его позволяет получить представление о том, насколько трудным был этот первый шаг — определение темы, который с такой легкостью делает сейчас в своем школьном изложении учащийся средней школы.

Дошедшее до нас введение во всех без исключения рукописях, лежащих в основе издаваемого текста, имеет одинаковую редакцию: «Ἡροδότου Ἀλικαρνησέως ἱστορίης ἀπόδειξις ἥδε, ὥς μῆτε τὰ γενόμενα ἐξ ἀνθρώπων τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γίνονται, μῆτε ἔργα μεγάλα τε καὶ θωμαστά, τὰ μὲν Ἕλλησι τὰ δὲ βαρβάροις ἀποδεχθέντα, ἀκλεῖα γίνονται, τὰ τε ἅλλα καὶ ἡ αἰτίη ἐπολέμεσαν ἀλλήλοισιν»¹. «Это есть изложение исследования Геродота галикарнасца (представленное) для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления деяниях, совершенных частью эллинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война».

В понимании этого введения есть известные трудности. Слово ἔργα, которое мы перевели здесь как «деяния», некоторые понимали как «сооружения»². М. Поленц решительно отвергает последнее толкование, замечая: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опро-

¹ Переводчик Геродота на русский язык Ф. Мищенко посвятил этому введению специальную статью — «Приступ (Προίμιον) к „Истории“ Геродота» («Филологическое обозрение», XII, 1897). В этой статье он решительно выступил против исследователей, пытавшихся отвергнуть его подлинность.

² Так переводил этот термин Ф. Мищенко (Геродот, т. I, М., 1888, стр. 1). См. также С. Я. Л у р ь е, Геродот, М.—Л., 1947, стр. 124; автор, впрочем, допускал и толкование «деяния» (стр. 124, прим. 2).

вержении...». Для грека Днионисия Галикарнасского было само собой разумеющимся толкование ἔργα как πράξεις (Ad Romp. 3,3; Thuc. 5) ³.

Смысл этого введения имеет программный характер. Как отмечает Майрс в своей книге ⁴, Геродот в этом введении подчеркивает, во-первых, непреходящую ценность для человечества всего того, что было им совершено в прошлом; во-вторых, он одновременно указывает, что великие подвиги — не монополия какого-нибудь одного народа, и это относится также к греко-персидским войнам, которые имеются в виду в последних словах введения.

Ставя перед собой задачу описать «совершенное людьми», Геродот следовал эпической поэзии, воспевавшей κλέα ἀνδρῶν ⁵. Но в отличие от эпоса программная заявка «отца истории» носит индивидуальный характер. Он сознавал, что замысел его обладает особой привлекательностью и новизной, поэтому он гордо ставит в начале труда свое имя — «Геродот галикарнасец» ⁶. Однако многие современные исследователи меняют в этом введении этникон «галикарнасец» на «фуриец», исходя из данных античной традиции.

Наиболее детальное обоснование такому изменению дал Ф. Якоби в своем капитальном труде «Геродот», опубликованном в качестве части дополнительного тома энциклопедии Паули-Виссова (RE, Supplbd., Ht 2, стр. 205 сл.). Авторитет Ф. Якоби в ученом мире был необычайно высок ⁷, поэтому многие исследователи и издатели труда Геродота приняли его точку зрения, решившись даже на изменение рукописной традиции ⁸. Эту же точку зрения принял и С. Я. Лурье, который в уже цитированной здесь работе так формулирует главные доводы Якоби: «Аристотель (Rhet. III, 1409a, 29) цитирует начало труда Геродота так: Ἡροδότου Θουρίου ἢ δ' ἱστορίας ἀπὸδεξις — «Геродот фуриец представляет нижеследующее изыскание», вместо читаемого теперь «Геродот галикарнасец». Нет никакого основания сомневаться в том, что сам Геродот писал именно так. Геродот назван фурийцем также в Лийдской хронике, так же называл его, по сообщению Свида, и Дурид Самосский; точно так же и Авийен (Ora maritima, 49), пользовавшийся источниками, написанными не позднее 350 г. до н. э., называет его Herodotus ipse Thurius, а Свидя сообщает, что Геродот отказался от своей старой отчизны и стал называться фурийцем (С. Я. Лурье ссылается здесь на справку словаря Суды под словом ἀπὸδεξις). Если мы прибавим к этому еще, что по двум свидетельствам Плутарха Геродот в ряде рукописей назван фурийцем, а также его называют фурийцем Страбон и Павсаний, то у нас вряд ли останутся какие-либо сомнения в том, что сам Геродот называл себя в своем труде фурийцем» ⁹.

³ M. P o h l e n z, Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes, B. — Lpz, 1937, стр. 3. Слово ἔργα в значении «деяние», «подвиг», постоянно употребляется в аттическом диалекте (ср. X e n., Cyrop. I, 1, 5; I, 4, 25 et passim). См. литературу вопроса: А. И. Д о в а т у р, Повествовательный и научный стиль Геродота, Л., 1957, стр. 185, прим. 2.

⁴ J. M y r s, Herodotus, Father of History, Oxf., 1953, стр. 66. Последнее издание труда Майрса оказалось нам, к сожалению, недоступным.

⁵ K. M a r o t, Die Anfänge der griechischen Literatur, Budapest, 1960, стр. 323. ср. T. K r i s c h e r, Herodot's Prooimion, «Hermes», 93, 1, 1965, стр. 162 («Herodotus imitiert epische Prooimion-Gestaltung»).

⁶ Не исключено, что Геродот, во многом следовавший Гекатею, и здесь избрал себе в качестве образца слова Гекатея из «Описания земли»: «Так говорит Гекатей Милетский. Я написал это так, как мне казалось соответствующим действительности, ибо мнения эллинов многочисленны, разнообразны и кажутся мне смешными» (пер. Л у р ь е, Геродот, стр. 109). Как отмечает Тильман Кришер в цитированной статье, такое начало прозаических сочинений было распространённым, и это видно также из труда Фукидида (K r i s c h e r, ук. соч., стр. 162).

⁷ Так, например, де Санктис (G. de S a n c t i s, La composizione della storia di Erodoto, «Riv. di filologia», 4, 1926, стр. 289) пишет: «Lo Jacoby ha dato della storia di Erodoto la più acuta ed accurata analisi che ne se abbia...».

⁸ Ср. H é r o d o t e, Histoires, texte établi et traduit par Ph. E. L e g r a n d P., 1932. В связи с возникшей дискуссией Лерпан писал (REA, XXXVI, 1, 1934, стр. 407): «pour moi... Θουρίου n'est „correction“: c'est le texte de tradition indirecte préférée — une fois n'est pas coutume — à la tradition des manuscrits».

⁹ Л у р ь е, Геродот, стр. 26.

Для того чтобы основания для высказанной Ф. Якоби и вслед за ним С. Я. Лурье точки зрения стали для нас более ясными, приведем кратко доводы Ф. Якоби, изложенные им в уже цитированном труде, не вдаваясь при этом в анализ традиции, которая будет рассмотрена нами ниже. Исходя из одного пассажа Плутарха (Plut. de Her. mal. 35; de exil. 13 p. 604 F) Ф. Якоби делает вывод (стб. 205), что эти свидетельства позволяют с уверенностью говорить о существовании во времена Плутарха списков труда Геродота, где в интересующем нас месте стояло «Геродота фурийца». Слово *ἐκάλεσαν* в тексте Страбона (XIV, 2, 16) также может свидетельствовать только о том, что такие экземпляры труда Геродота существовали. И если Страбон, как и Плутарх, видит в этниконе «фуриец» *μεταγραφή*, т. е. более позднее изменение текста, то они явно основываются на биографической традиции, которая выводит Геродота из Галикарнаса. Если эта *μεταγραφή* и имела место, то она была совершенно противоположного характера: «фуриец» было изменено на «галикарнасец» (стб. 206). Решающим доводом, по Ф. Якоби, является единодушное свидетельство источников доэллинистического и эллинистического периодов, доходящих до римского времени, которые называют Геродота не галикарнасцем, а фурийцем (стб. 206). Только после Аристотеля чтение «галакарнасец» стало вытеснять исконное «фуриец». Свидетельства источников убеждают каждого, кто не придерживается предвзятой точки зрения, что чтение «фуриец» было общепринятым до середины III в. до н. э. (стб. 208). Единодушное мнение более ранних источников в этом отношении можно объяснить только тем, что Геродот сам называл себя в своем введении фурийцем. В том, что исконное «фуриец» было изменено на «галикарнасец», сыграли свою роль биографы эллинистической эпохи, но само изменение было узаконено только в римский период. Причиной мог быть местный патриотизм жителей Галикарнаса (стб. 210).

Обратимся, однако, к свидетельствам тех источников, на которые ссылается в подтверждение высказанных суждений Ф. Якоби.

Исследуя доэллинистическую и эллинистическую традицию (единодушно называвшую Геродота, по мнению Ф. Якоби, фурийцем), он совершенно нелогично начинает свой анализ со свидетельства позднего поэта Авiena, который в конце IV в. н. э. написал ямбическими триметрами поэму о берегах Средиземного моря. В ней (Ora maritima, 49) он называет Геродота *Herodotus ipse Thurius*. Полагаться на свидетельства Авiena нельзя, потому что, как замечает исследователь творчества Авiena, этот поэт допускает значительные искажения античной традиции¹⁰. Автор статьи об Авие, помещенной в RE, убежден в том, что источником для труда Авiena явились произведения типа так называемого Скимна, относившиеся скорее всего ко времени Цезаря или Августа¹¹. Здесь не место заниматься проблемой источников Авiena, но совершенно ясно, что Авие к доэллинистической и эллинистической традиции отнесен быть не может. А то, что поздний писатель Авие называет Геродота фурийцем, свидетельствует против теории самого Ф. Якоби, утверждающего, будто изменение этникона «фуриец» на «галикарнасец» произошло в римскую эпоху.

Поэтому наш анализ традиции должен быть начат прежде всего со свидетельства Аристотеля. Объясняя в «Реторике» (III, 9, 2), что представляет собой свойственное древности нанизывающее построение фразы (*εἰρομένη λέξις*), Аристотель приводит в пример начало труда Геродота в следующей редакции: *Ἡρόδοτος Θεουρίου ἦδ' ἱστορίης ἀπὸδεξις*. При сравнении с текстом рукописей мы замечаем, что кроме этникона в тексте Аристотеля изменен и порядок слов (*ἦδ' ἱστορίης ἀπὸδεξις* [вместо *ἱστορίης ἀπὸδεξις ἦδε*]). Помимо этого Аристотель употребил аттическую форму *ἀπὸδεξις* вместо исконной ионийской *ἀπόδεξις* (сохранив, однако, ионийскую форму слова «история»). Поэтому мы вправе предположить, что Аристотель цитировал текст Геродота по памяти, что вынужден признать и Ф. Якоби (ук. соч., стб. 206): *der Anstoß, den man an der falschen Stellung von ἦδε nimmt, ist nichtig, da Aristoteles aus dem Gedächtnis zitiert...* Происхождение ошибки Аристотеля

¹⁰ RE, Bd, II, стб. 238, s. v. *Avienus*.

¹¹ Там же.

совершенно ясно: Геродот, подолгу живший в Афинах и выражавший, как установлено, в своем труде афинскую точку зрения на события эллинской истории, получил в Афинах, где труд его был особенно популярен, прозвище «фурнец» в связи с активной ролью, которую он играл в основании Фурий. Характерно, что биографы поздних эпох считали его участие в этом предприятии самым характерным фактом его биографии и на этом основании определяли дату его рождения¹². Поэтому Аристотель (фактически афинянин, ибо здесь он прожил основную часть своей жизни и создал свои основные произведения) и употребил общепринятое в афинской устной и литературной традиции прозвище Геродота. Тогда еще не придавали большого значения точности цитирования. Только после работы текстологов александрийской эпохи стали добиваться точности в цитировании, и это послужило причиной тому, что ходячее прозвище Геродота «фурнец» в трудах ученых стало заменяться авторским «галикарнасец». Кроме того, для Аристотеля Геродот был только одним из многих историков, сочинения которых имелись в его личной библиотеке, и он не относился к его труду с таким пристальным вниманием, как это делают современные ученые.

О том, что ошибка Аристотеля имеет именно такое происхождение, ясно свидетельствует Страбон (XIV, 2, 16): *ἄνδρες δὲ γηγένασιν ἐξ αὐτῆς Ἡρόδοτος ὁ συγγραφεύς, ὃν ὕστερον Θούριον ἐκάλεσαν διὰ τὸ κοινωμένην τῆς εἰς Θουρίους ἀποικίας* — «К числу мужей, происходящих из него (Галикарнаса. — В. Б), относится и писатель Геродот, которого позже прозвали (ἐκάλεσαν) фурийцем на том основании, что он принял участие в основании колонии Фурий». Ф. Якоби в цитированном труде делает на основании приведенного текста Страбона вывод о существовании списков труда Геродота, в которых он называет себя фурийцем; но вывод этот совершенно произволен¹³.

Собственно, этим и исчерпывается та доэллинистическая и эллинистическая традиция, к которой апеллирует Ф. Якоби в доказательство своей точки зрения. Сюда, правда, можно присоединить открытую на о. Родос Линдосскую хронику. В ней мы читаем (стк. 29): *Ἡρόδοτος [ὁ Θούριος ἐν τῇ Β τῶν ἱστοριῶν*¹⁴. Но это не цитата из введения к труду Геродота, а обычное употребление очень распространенного прозвища историка, и потому оно не может считаться веским аргументом в пользу защищаемой Ф. Якоби редакции введения к труду Геродота.

Перейдем теперь к литературной традиции римского времени, которую Ф. Якоби совершенно безосновательно противопоставляет доэллинистической и эллинистической. В римскую эпоху еще полностью сохранялись произведения филологов александрийской эпохи, относившиеся к жанру филологического комментария, из них широко черпали ученые и писатели. Первым свидетельством, на котором следует прежде всего остановить наше внимание, является вскользь брошенное замечание в трактате Плутарха «О злонравии Геродота» (35): *ἔδει μὲν οὖν μῆδὲ τοῖς μῆδισσι Ἑλλήνων ἔχειν ἐπεμβαίνειν, καὶ ταῦτα Θούριον μὲν ὑπὸ τῶν ἄλλων νομιζόμενον, αὐτὸν δὲ Ἀλικαρνασέων περιεχόμενον, οἱ Δωριεῖς ὄντες μετὰ τῆς γυναικωνιτιδος ἐπὶ τοὺς Ἑλλήνας ἐστράτευσαν* — «Человеку, который считает себя галикарнасцем, хотя другие и называют его фурийцем, не следовало бы так уж поносить греков, ставших на сторону персов. Ведь галикарнасцы, хотя и были дорийцами, выступили в поход против греков вместе с гаремом»¹⁵.

Ф. Якоби сам указывает (ук. соч., стб. 205), что Геродот нигде больше в своем труде не претендует на то, чтобы его считали галикарнасцем, и, следовательно, в

¹² Л у р ь е, Геродот, стр. 10.

¹³ Точно так же понимал свидетельство Страбона и Ф. Мищенко (Геродот и его место в древнеэллинистической образованности, «Геродот», М., 1888, стр. 56). В примечании Ф. Мищенко указывает, что такое же прозвище и по той же причине получил Гипподам Милетский.

¹⁴ Линдосская хроника опубликована Х. Бликенбергом в издании: *Oversigt over det Kgl. danske videnskabernes selskabs forhandling*, 1912, № 5—6, København.

¹⁵ Имеется в виду гарем Ксеркса, к которому могла иметь отношение Артемисия, участвовавшая в Саламинском сражении на стороне Ксеркса во главе галикарнаского флота.

протитированном месте сочинения Плутарха речь может идти только о введении к труду Геродота. Из этого отрывка можно сделать только один вывод: Плутарх читал его в той же самой редакции, в которой оно дошло до нас¹⁶.

В другом своем сочинении (de exil. 13) Плутарх пишет: τὸ δὲ Ἡρόδοτου Ἀλικαρνασσεῖος ἱστορίας ἀποδείξεις ἔχει, πολλοὶ μεταγράφουσιν, Ἡρόδοτου Θουρίου — «Это есть изложение исследования Геродота галикарнасца, многие пишут по-другому — Геродота фурийца». Из этого замечания можно сделать вывод, что сам Плутарх полагал правильным чтение «Геродота галикарнасца», а вариант «Геродота фурийца» считал изменением искомого текста, μεταγραφῇ. Такое изменение допустил в свое время Аристотель в цитированном здесь месте «Реторики». Слово «многие», употребленное Плутархом, свидетельствует только о том, что Аристотель был не единственным, кто позволил себе внести такое изменение в текст введения. Кроме того, весь контекст Плутарха в этом месте говорит за то, что здесь имеются в виду не экземпляры труда Геродота, в которых читалось: «Геродота фурийца», а авторы, позволившие себе такое изменение этника Геродота.

Важным свидетельством, привлекаемым в связи с интересующим нас вопросом, является содержащаяся в словаре Суды ссылка на Дуриса Самосского (Suda, s. v. Πανύσιος: Πανύσιος Πολυάρχου Ἀλικαρνασσεύς... Δεῦρις δὲ Διοκλέους τε παῖτα ἀνέγραψε καὶ Σάμιον. Ὁμοίως καὶ Ἡρόδοτος Θουρίων — «Паннасид, сын Полпарха, галикарнасец. Дурис же назвал его сыном Днокла и самосцем, подобно тому как Геродот — фурийцем»). Так как в таком виде справка словаря не имеет смысла (Геродот нигде о Паннасиде не говорит), Весселинг предложил исправить в слове Ἡρόδοτος конечную сигму на ню¹⁷. После такого исправления текст справки становится логичным и ясным: смысл ее заключается в том, что Дурис назвал галикарнасца Паннасида самосцем, подобно тому как другого галикарнасца, Геродота, называют фурийцем. Вообще вся справка может дать повод и к другим толкованиям и исправлениям: ее можно понять и так, что Геродота назвал фурийцем сам Дурис¹⁸. Предположение Якоби, стремящегося вслед за Крауссе (исправлявшего: Ἡρόδοτον <τὸν> Θουρίον) доказать, будто Дурис называл Геродота фурийца самосцем, основано на слишком большом удалении от сохранившегося текста. Другая справка цитированного здесь словаря (s. v. ἀπείπατο ὁ δὲ τὴν πατρίδα ἀπείπατο καὶ Θούριος ἀνεργήθη), даже если отнести ее к Геродоту (который здесь не назван), не имеет, по нашему мнению, отношения к интересующему нас вопросу. Пассивная форма ἀνεργήθη (aor. pass. от ἀναεργεῖν, ἀναγορεύειν) говорит о том, что его прозвали фурийцем, а не о том, что он сам себя так называл.

Указанными свидетельствами и исчерпывается античная традиция о Геродоте, называемом фурийцем. Она не может служить достаточным основанием для изменения дошедшей до нас рукописной традиции труда Геродота. Необходимо отметить, что иная традиция, называющая Геродота галикарнасцем, является значительной и важной. Кроме высокообразованного грека Дионисия Галикарнасского (Thuc. 5) так называют Геродота и Страбон (XIV, 2, 16), и Лукян (De domo, 20; Herod. s. Aet., 1). К этому следует добавить уже цитированный здесь словарь Суды (s. v. Ἡρόδοτος). Первые пять слов введения Геродота цитируют так, как они сохранились в рукописной традиции, авторитетные авторы II в. н. э. — Demetr. περὶ ἑρμ., 17, 44 и Arist. II, 513. Наконец, в основанной Эвменом II (197—159 гг. до н. э.) Пергамской библиотеке стоял портретный бюст Геродота, от которого во время раскопок была

¹⁶ См. W. Christ, W. Schmid, Geschichte der griechischen Litteratur, I⁶, München, 1912, стр. 461, прим. 4: «Daß Herodotos selbst II Ἡρόδοτου Θουρίου ἢ ἱστορίας ἀποδείξεις geschrieben habe, wie schon Aristot. rhet. III, p. 1409 a, 27 angibt, aber in keiner Herodotshandschrift überliefert ist, wird schon durch Plut. De Her. Mal. 35 widerlegt...».

¹⁷ Лурье в цитированной книге неточно приписывает это исправление Якоби (Геродот, стр. 26, прим. 2; см. Jacoby, ук. соч., стб. 207). Исправление Весселинга принял и К. Мюллер (FHG, II, стр. 482).

¹⁸ Поэтому К. Мюллер в цитированном фрагменте Дуриса добавляет: s. ἀνέγραψε vel ἀνεργάσαν.

найдена база (Altertümer von Pergamon. Inschr. № 199). На ней вырезано: ΗΡΟΔΟ-ΤΟ|ΑΛΙΚΑΡΝΑΣΣ... .

Совершенно ясно, что в Пергамской библиотеке сохранялся не один экземпляр труда Геродота. Было бы странно, если бы на портретном бюсте историка был обозначен иной этникон, чем тот, которым он сам себя называл.

Геродот не мог называть себя фурийцем в своем труде также и по той причине, что симпатии к родному городу он сохранял всю свою жизнь: это нашло отражение в его труде¹⁹. Что же касается его отношения к колонии, одним из основателей которой он был, то оно не поддается определению по той причине, что он о ней просто не упоминает. Для этого могли быть следующие основания: как известно, труд Геродота написан с проафинских позиций и участие Геродота в основании Фурий, которые по замыслу Перикла должны были стать форпостом афинского влияния на Западе, также свидетельствует об этом. Но вскоре после основания колонии там началась ожесточенная борьба, и сторонники Афин потерпели поражение (Thuc., VII, 33). Мог ли Геродот, писавший свой труд уже тогда, когда началась Пелопоннесская война, выбрать себе этникон «фуриец»? Нам кажется, что это должно быть исключено. Характерно, что он даже не упоминает о Фуриях, хотя и знает местность, где расположена эта колония.

Мы приходим к выводу, что этникон «фуриец» был просто укрепившимся за Геродотом прозвищем, утвердившимся в афинской литературной традиции и отсюда перешедшим в эллинистическую и римскую. Но в употреблении его не было единства у античных писателей. Ни один из них не сообщает нам о таких экземплярах труда Геродота, где бы вместо слов «Геродота галикарнасца» стояли бы слова «Геродота фурийца».

В. Г. Борухович

HERODOTUS — HALICARNASSIAN OR THURIAN?

by V. G. Borukhovich

In the opening words of his History, according to all the manuscripts, Herodotus calls himself a Halicarnassian. There is, however, an opinion, which has some basis in ancient tradition, that in the original version he called himself a Thurian. The most complete documentation of this view was presented by Jacoby («Herodotos», RE Suppl. II, 1913, 205 ff.). Among Jacoby's followers Legrand even corrects his text of Herodotus to suit this hypothesis. Yet careful examination of the evidence cited by Jacoby tells against the hypothesis. In the author's opinion the most important testimony, the citation by Aristotle in Rhet. III, 9, 2, should be regarded as a misquotation (the word order is changed and is given the Attic spelling). Aristotle, quoting from memory, calls Herodotus by the city he was generally known by (Strabo, XIV, 2, 16). In the author's view Plutarch's words in de Her. mal. 35 confirm that Herodotus called himself a Halicarnassian. He could not have called himself a Thurian because his whole History is written, as everyone agrees, from a pro-Athenian position, and when he was writing it (at the beginning of the Peloponnesian War) Thurii was hostile to Athens. It is significant that Thurii is nowhere mentioned by Herodotus, though his narrative shows that he was well acquainted with the place where it was founded and that he followed political events in the Greek cities of southern Italy. In the days of Herodotus such silence was a sign of extreme hostility. It would be strange indeed if Herodotus, having participated in the founding of Thurii (the artificial character of which foundation contributed to the marked instability of its political life) were to have immediately decided to call himself a Thurian — and that in a work which was his whole life's concern.

¹⁹ См. Я с о б у, ук. соч., стб. 212; Л у р ь е, Геродот, стр. 10 слл.

К ДАТИРОВКЕ И ЧТЕНИЮ БЕРЕЗАНСКОГО ПИСЬМА АХИЛЛОДОРА *

В 1971 г. Ю. Г. Виноградов опубликовал чрезвычайно интересный эпиграфический памятник — найденное им на Березани письмо, написанное на свинцовой пластинке неким Ахиллодором¹. Рассмотрим вкратце содержание публикации.

На стр. 74 и частью 77 кратко описываются обстоятельства нахождения письма. Заключение издателя о том, что «археологический контекст находки ясен целиком и полностью — письмо попало с другим мусором в яму» (стр. 74), а найденный неподалеку черепок родосской амфоры «не может происходить ниоткуда, кроме той же ямы, в которую попало и письмо» (стр. 77) представляется излишне категоричным.

На стр. 75—76 помещены описание свинцового свитка и текст надписи. Далее кратко рассматривается вопрос о ее датировке, в рассмотрении которого «решающим аргументом... служит археологический контекст» (стр. 77). Очевидно, однако, что, когда археологический контекст, сопровождавший случайную находку, неясен, он не может быть решающим аргументом в определении ее времени. В таких условиях единственно прочным критерием датировки может быть шрифт письма. Вопрос о шрифте также затронут в публикации, но кратко: дано лишь суммарное описание некоторых букв и ссылка на некоторые аналоги (стр. 76—77). Недостаточно полное рассмотрение шрифта надписи и послужило одной из причин ее неоправданно завышенной, на мой взгляд, датировки.

На стр. 78—79 рассматривается вопрос об узусе писем на свинцовых пластинках в греческом мире. Стр. 80—82 содержат фонетико-морфологический очерк языка надписи. Суть вопроса, однако, заключается не столько в перечислении давно и хорошо известных лингвистических фактов, свойственных как ионийскому диалекту в целом, так и данной надписи, сколько в том, чтобы показать особенности ее языка в кругу других позднеархаических памятников этого диалекта. Кроме того, ряд фонетико-морфологических особенностей письма Ахиллодора обладает датирующими признаками и этот аспект также нуждается в более подробном исследовании. Отдельные существенные моменты, как, например, вопрос о времени написания дифтонга *eo* через *eo*, коль уж они затронуты, желательно было бы разобрать для большей ясности во всей полноте.

Далее, на стр. 82—85, рассматривается вопрос о преамбуле греческих писем. Наконец, со стр. 86 непосредственно исследуется содержание надписи. Проведенный издателем лексический анализ письма представляет собой наиболее интересный раздел публикации. К числу достаточно убедительных моментов его интерпретации относится понимание слова *δολῶται* в смысле «обманывает» (стк. 2), трактовка уникального термина *φορτηγέσιος* в качестве личного существительного (стк. 3), субституция лиц при выражениях от третьего лица *φησί, αὐτόν* (стк. 4), *ὁ* (стк. 6), наконец, дополнение имени *Ἀνα(ξ)άρχος* в стк. 5. Вместе с тем я не могу согласиться с предложенным издателем членением фразы в сткк. 7—10, приведшим к перестановке слов подлинника: не увязывавшееся с принятой им пунктуацией *δέ τί* в стк. 9 было изменено на *τί δέ*, а обычное словосочетание подлинника было решительно объявлено «синтаксической неувязкой» (стр. 87), «синтаксической погрешностью» (стр. 91, примечание 39) и, наконец, «стилистически корявой» (там же). Текст в стк. 12 тоже подвергся исправлению, также излишнему, как впоследствии признал издатель.

Интерпретация содержания надписи представляется спорной (Фортегесий как вольноотпущенник, этническая принадлежность имени Матасий и др.) или не соответ-

* Вопросам интерпретации содержания письма автор посвящает другую статью, которая вкупе с нижеследующей составляет одно исследование, окончательно завершенное в феврале 1973 г. Автор чрезвычайно признателен Л. В. Копейкиной за консультацию археологического порядка по поводу места нахождения письма.

¹ Ю. Г. Виноградов, Древнейшее греческое письмо с острова Березань, ВДИ, 1971, № 4, стр. 74—99.